

«Актер Чэнь Чжэнь скончался сегодня утром у себя дома в возрасте 56 лет».

Сюй Си едва не выронил палочки, моргнул и взглянул на Ся Гу. Тот уставился в экран, не прожевав до конца белые нити лапши.

Хотя Ся Гу и знал со вчерашнего дня, что Чэнь Чжэнь умер — и умер много лет назад, — сегодняшнее сообщение подействовало на него как вызов на похороны. Оно резко выдернуло его из оцепенения. На душе у Ся Гу было тяжело: Чэнь Чжэнь подарил ему счастливое детство. В те беспросветные дни даже крохотная конфетка запоминалась на всю жизнь.

Горло сжалось. Ся Гу прожевал лапшу и проглотил. Велев Сюй Си доедать, он ушел в спальню позвонить старому монаху.

Монах, хоть и разменял восьмой десяток, был бодр и подвижен, а голос его гремел, как колокол. Гремел он потому, что старик плохо слышал. Ся Гу что-то громко выкрикивал в трубку, и даже снаружи было слышно.

— Чэнь Чжэня помните? Сегодня умер. Не Брюса Ли, а Чэнь Чжэня! Не спешите на площадь танцевать... Что? Обувь снова развалилась? Сейчас закажу на «Таобао» и вышлю. На тот же адрес, к тетушке Сунь?

Вскоре старый монах увлек его за собой, свернув разговор в сторону.

Старик, несмотря на возраст, вместо того чтобы в тишине гор совершенствовать дух, обожал спускаться вниз и танцевать на площадях. С длинной бородой, лысой головой, в одеянии шаолиньского монаха и в кроссовках «Ли-Нин» — Ся Гу всякий раз не мог сдержать улыбки, глядя, как тот приплясывает под музыку.

Подумалось, что в храме он давно не был. Если сегодня после работы выдастся время, стоит заглянуть.

Поболтав с монахом, Ся Гу почувствовал облегчение. Тот был неисправимым оптимистом и умел заряжать своим настроением. Если Ся Гу, пережив в детстве такое, вырос человеком без душевных перекосов, то этим он во многом обязан старому монаху.

Закончив обед, Сюй Си отключился от разговора с Чжан Сюэ — график, мол, освободился. Глядя, как тот с аппетитом уплетает лапшу, Ся Гу решился заговорить.

— Моя двоюродная сестра учится на третьем курсе Киноакадемии. Хочет роль. Не мог бы ты помочь?

Сюй Си не знал, но накануне Ся Гу спас ему жизнь. И теперь Ся Гу счел, что попросить о небольшом одолжении вполне уместно.

Пустьяковое дело. Сюй Си даже не придавал ему значения, лишь поднял глаза на Ся Гу и усмехнулся:

— А у тебя есть двоюродная сестра?

Улыбка его была какой-то хитрой. Ся Гу почувствовал легкий озноб по спине. Не знай он, что Сюй Си предпочитает мужчин, можно было бы подумать, что тот замыслил недоброе.

Ся Гу фыркнул, бросил на Сюй Си взгляд, и они вышли из квартиры.

В машине Сюй Си быстро связался с Чжан Сюэ по поводу своего следующего проекта. Как раз не хватало актрисы на роль третьего плана. Роль была небогатой, даже массовка порой побольше получала, но Ся Юй, как выпускница профильного вуза, должна была справиться.

Закончив с промоушеном «Прозрения», Сюй Си постепенно втягивался в съемки второй картины. Новый фильм был кулинарным и назывался «На пару».

Услышав это, Ся Гу поперхнулся водой и обрызгал Сюй Си. Тот шлепнул его по плечу, а Ся Гу, смеясь, поспешил извиниться. Эх, вот бы назвали «Львиная голова в соусе»!

Вспомнив про львиную голову, он подумал о Янь-ване, который ворчал, что во Дворце Дракона вечно подают какую-то западную еду, а не львиную голову. От этой мысли он снова чуть не поперхнулся. Сюй Си вытер лицо и махнул на него рукой.

Утренние сцены Ся Гу отыграл безупречно. Ли Линь в знак одобрения угостила его персиком. Ся Гу, грызя персик, присел на корточки в ожидании следующего дубля, как вдруг в павильон вошла Ся Юй.

Девушка звонила, хотела заглянуть. Ся Гу отговаривал, мол, только что болела, лучше бы дома отдохнула, но она не послушалась. Подумал, что вторая тетушка постоянно при ней, так что на свидания с женихом времени нет, — и уступил.

Внутри шли съемки. Ся Юй вошла внезапно. Ся Гу обернулся, окликнул ее, но та не услышала — вся ушла в созерцание.

Вспомнив про ее левое ухо, Ся Гу подошел и подвел ее к себе.

— Брат, — позвала Ся Юй, не отрывая глаз от Сюй Си, произносившего реплики.

Видя, что девушка стоит на солнцепеке, Ся Гу подхватил сбоку рекламный журнал и прикрыл ей голову, одновременно спросив:

— Как самочувствие сегодня?

После операции врачи строго-настрого запретили нагрузки на сердце. К счастью, «На пару» был фильмом о еде, а не боевиком, иначе Ся Юй и не взялась бы.

Закончив сцену, Сюй Си подошел. Ся Юй буквально вспыхнула, вскочив на ноги. Ся Гу представил их друг другу. Девушка, казалось, готова была прилипнуть к Сюй Си, и Ся Гу стало неловко. Но Сюй Си, не зная ее характера, просто отнесся к ней по-братски, как к младшей сестре.

По окончании съемок Ся Гу собирался было увезти Ся Юй с собой, но та уже договорилась с Сюй Си о знакомстве со съемочной группой. Ся Гу махнул рукой и пошел вместе с ними. Заказывать обувь на «Таобао» было уже поздно, поэтому он купил пару в фирменном магазине и на автобусе отправился на гору Цуйфэн.

По идее, Цуйфэн, как самая высокая гора в городе, пусть и не являясь общепризнанной достопримечательностью, должна была бы быть популярным местом для прогулок. Однако подножие давно распродали застройщикам. В основном здесь селились старики — дети покупали им квартиры для спокойной старости. Так что у подножия еще можно было встретить пенсионеров за шахматами или танцами, а на вершине оставался лишь одинокий Храм Юньянь да старый монах.

К счастью, автобус ходил прямо до места. Ся Гу вышел на остановке и, неся коробку с обувью, стал подниматься в гору. Гора Цуйфэн была покрыта густым лесом, зелень буйствовала, воздух был чист и прозрачен. Снизу виднелись клубящиеся облака, доносился звон колокола — словно уголок затерянного рая.

Когда-то, в пору расцвета, к Храму Юньянь проложили каменную дорогу. Ступая по плитам, чувствовал пронзительную прохладу. Ся Гу карабкался почти час.

Храм был беден. За воротами, в главном зале, стояла позолоченная статуя Будды, покрытая выцветшей красной тканью. Перед ней возвышался большой треножник для благовоний. В боковых приделах: слева — комната, где спали Ся Гу и монах, справа — полуразвалившаяся хибара, служившая им кухней.

Когда Ся Гу пришел, монах как раз разжигал огонь, чтобы приготовить еду. Ся Гу окликнул его. Старик решил, что показалось, выскочил наружу и, увидев Ся Гу с коробкой в руках, тут же подбежал и треснул его ложкой по голове.

— Ай! — вскрикнул Ся Гу, потирая звонко ударенный лоб и с обидой глядя на монаха.

Тот забрал у него обувь и проворчал:

— Договорились же — отправишь на адрес тетушки Сунь! Зачем сам принес?

Но на суховатом лице так и играла довольная улыбка.

Ся Гу подошел ближе, ткнул монаха в бок и, подмигнув, сказал:

— Настоятель, а форма-то — пустота!

— Ах ты, зайчишка озорной! — монах залился смехом, а потом поспешил подать еду. Они уселись за квадратный столик перед треножником и принялись за трапезу.

Монах был отменным поваром. Овощи — свои, с огорода, безопасные да свежие. Рис сварён в меру, сладковатый, душистый. Наевшись, Ся Гу сам помыл посуду. Монах же, обутый в новые кроссовки, подошел, подбоченясь, — похвастаться.

Монаха звали Хуэйянь, и всю жизнь он был монахом. Невысокий, жилистый, с белой, развевающейся бородой, в простой холщовой одежде и кроссовках «Ли-Нин», он, весь в морщинах, сиял румянцем — прямо небожитель.

Поболтав немного, Ся Гу постлал постели, они умылись и улеглись.

Ночью в храме было прохладно. Ся Гу, укрывшись одеялом, лежал безмятежно, чувствуя, как ум успокаивается. Сколько бы храм ни беднел, как бы ни угасали в нём жертвоприношения, сколько бы монахов ни оставалось — он всегда нес в себе умиротворение.

Помолчав, старый монах, не открывая глаз, заговорил первым:

— Чэнь Чжэню в этом году пятьдесят шесть, да?

— М-м, — отозвался Ся Гу. Откуда монах узнал? В храме-то телевизора нет. Он покосился на старика и спросил:

— А его жена, до болезни, она с ним в храм ходила?

— Нет, — ответил монах. — До болезни жены я его ни разу не видел.

<http://bllate.org/book/16256/1462630>